

О. А. ДЕРЖАВИНА

Перспективы изучения переводной новеллы XVII в.

Всем исследователям культуры древней Руси хорошо известно, какое большое место стали занимать в нашей литературе, особенно начиная с XVII в., переводные произведения, в частности сборники переводной новеллы.

Рукописные сборники, хранящиеся в библиотеках нашей страны, называют на широкую популярность этой литературы среди русских любителей книги. Она привлекала их богатством содержания, разнообразием увлекательных сюжетов, восходящих как к западной, так и к восточной литературе.

Богатый материал переводной литературы не раз привлекал внимание исследователей, однако они обращались большей частью к повести и роману.

Сборники переводной новеллы изучены мало. Несмотря на то что «Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах», сборник фацеций и «Великое Зерцало» представлены в наших книгохранилищах достаточно большим количеством списков, они еще далеко не достаточно изучены. Сборники не описаны, не сопоставлены друг с другом, их содержание не выяснено. Описание списков должно быть проведено в первую очередь. В частности, требуется серьезная и неотложная работа над рукописями сборника «Римские деяния», хранящимися в библиотеках Советского Союза. Последнее исследование об этом сборнике вышло за рубежом,¹ но его автору неизвестны русские списки сборника. Анализ их, произведенный советскими учеными, должен дополнить и уточнить выводы зарубежного исследователя.

Как показала работа над сборником фацеций, детальное изучение русских списков позволяет сделать ряд интересных выводов, установить отношение русского текста к польскому оригиналу, количество и время появления переводов, среду, где распространялась переводная новелла, а отчасти — по отбору рассказов и по их обработке — и определить ту роль, которую играла переводная новелла в русской жизни.

Произведения, вошедшие в сборники переводной новеллы, очень разнообразны по своему характеру: это или занимательные повести, иногда, как в «Повести о семи мудрецах», объединенные одним сюжетом, или веселые, в ряде случаев нескромные анекдоты — фацеции, или рассказы нравоучительного или, как в «Великом Зерцале», церковно-назидательного характера.

Несмотря на такое разнообразие, сборники переводной новеллы нельзя изучать изолированно друг от друга, так как мы часто встречаем в них не только однородные, но и одни и те же рассказы. Так, в сборник фацеций попали некоторые рассказы из «Римских деяний» и «Великого Зерцала» (см. рассказ «О кравшем репу у старца» и подобный ему «О пекшем яйцо на свечке»); с другой стороны, в «Великом зерцале» мы находим анекдоты,

¹ Е. Прохазкова. *Gesta Romanorum* Praha, 1959 г.

восходящие к сборнику *фацеций* (таков рассказ об упрямой утонувшей жене, о том, как черт с помощью бабы погсорил мужа с женой; наконец, в «Зерцале» читается и повесть о добродетельной жене плотника, посрамившей старуху-сводню). Из этого напрашивается вывод, что сборники переводной новеллы должны рассматриваться в непосредственной связи друг с другом — это разные грани одной и той же работы

Работа над переводными повестями и рассказами требует обязательного обращения к подлиннику, к тексту, с которого был сделан перевод. Чаще всего это старопольские издания, с которых в XVII в преимущественно переводилась беллетристическая и нравоучительная литература и с которых были сделаны переводы вышеназванных сборников²

Сличение текстов русского и польского дает возможность уточнить, с какого именно польского издания был сделан перевод, и выяснить принципы, которыми руководился русский переводчик Мы видим, что переводчик, как правило, переводит текст не совсем точно, частично просто излагая рассказ. В более ранних переводах обычно много польских слов, которые были понятны русскому читателю, поэтому лишь местами они поясняются переводчиком В поздних переводах польские слова исчезают, вносятся русские выражения, русские бытовые черты

Но это не все в ряде случаев работа над текстом вносит ясность и во взаимоотношение польских изданий. Как пример приведу наблюдения, которые удалось сделать, работая над сборником *фацеций*.

У нас наиболее известен польский сборник *фацеций* 1624 г., переизданный в 1903 г. А. Брюкнером. С ним обычно и сопоставлялись русские списки *фацеций* Но, просмотрев присланные мне микрофильмы, а также польские издания *фацеций*, которые хранятся в Львовской библиотеке и в ЦГАДА (собрание Типографской библиотеки), пришлось сделать вывод, что наши переводчики пользовались не изданием 1624 г., а иным Издание 1624 г. стоит обособленно среди прочих польских изданий *фацеций* среди просмотренных датированных и недатированных экземпляров нет ни одного, полностью совпадающего с ним В издании 1624 г. шесть частей, называемых здесь «трактатами», в ряде других сборников, в частности в Львовском и Типографском, очень близких друг к другу, их пять чет последнего раздела «О глупых людях» В русских списках рассказы не делятся на разделы Выделен только один — в польских изданиях пятый раздел — «О женских хитростях», который помещается обычно в конце русских сборников *фацеций* и часто дополняется повестями, взятыми из других источников В начале русских сборников мы находим рассказы из первых четырех разделов, но они расположены не по разделам, а произвольно. Ни одного рассказа из шестого раздела в русских списках нет Нет и тех рассказов, которые введены в издание 1624 г. и которых нет в других польских изданиях. Таким образом, надо думать, что в руках русского переводчика было не издание 1624 г., а иное, состоящее из пяти разделов, подобное тем, которые хранятся в Львовской и Типографской библиотеках Сравнив эти издания с изданием 1624 г., приходим к выводу, что, хотя они и относятся к XVII в. и вышли, по-видимому, позже 1624 г., они повторяют издания более ранние, возможно еще XVI в., и не обнаруженные в Польше польскими учеными. Сличая текст, приходится при-

² К сожалению старопольские издания представлены у нас лишь единичными экземплярами, которые не всегда легко разыскать Знакомство с ними на их родине также не всегда возможно Значительно облегчает дело обмен микрофильмами, который удастся наладить с польскими библиотеками Только таким путем оказалось возможным познакомиться с несколькими польскими изданиями *фацеций* и сравнить их с теми, которые находятся у нас

знать, что первые польские издания заключали в себе только пять разделов. Впоследствии часть новых изданий повторяла эти первые без существенных изменений (см., например, издание 1650 г.), другая же часть представляла собой новый вариант, где сборник был дополнен шестым разделом и в значительной степени переработан издателем. Таким образом, сборники, содержащие пять разделов, должны представлять для исследователя больший интерес, так как они стоят ближе к первым изданиям фацеций. Издание 1650 г. показывает, что интерес к фацециям на Западе наблюдается еще в середине XVII в.

Изучая переводную новеллу, исследователи в прошлом обычно ограничивались указанием, откуда заимствован или к чему восходит тот или иной сюжет. По изучению идейного содержания новелл, входящих в сборники, в сущности, почти ничего не сделано. В то же время они очень разнообразны по характеру и преследуют самые различные цели. Разумеется, современный исследователь не должен отказываться от изучения литературной истории того или иного сюжета, он должен указать источники, к которым восходит та или иная новелла, сопоставить ее с западными и восточными вариантами того же сюжета,³ но на этом его работа далеко не кончается. Для нас очень важно выяснить, почему из сборника польских фацеций наш переводчик выбрал именно эти рассказы и забраковал другие и как он передал в своем переводе польский текст. Исследователь должен коснуться и художественной стороны изучаемых произведений, — ранее при изучении переводной новеллы этой стороны обычно не касались. В то же время иногда новый эпитет или неожиданное внесенное переводчиком сравнение меняет смысл фразы, углубляет звучание текста или, наоборот, стирает его социальный смысл.

Переводная новелла, в том числе фацеции и «Великое Зерцало», оказали заметное влияние на русскую литературу XVII и XVIII вв., их сюжеты использовались писателями не только XVIII, но и XIX в. Переводная новелла играла определенную активную роль и в русской жизни XVII и XVIII вв., рисуя наравне с оригинальной сатирической повестью недостатки русской действительности. Эти вопросы должны быть поставлены исследователем и должны определять ход его работы над переводной новеллой.

Наименее изученным из упомянутых сборников является «Великое Зерцало», несмотря на то что ему среди прочих сборников переводной литературы принадлежит одно из почетных мест. Этот сборник долгое время стоял в стороне и не возбуждал интереса исследователей, однако вряд ли можно сомневаться в необходимости изучения этой исключительно популярной у нас на Руси книги.

«Великое Зерцало» сохранилось в книгохранилищах нашей страны в огромном количестве списков, неоднократно иллюстрировалось; отдельные легенды «Зерцала» вошли в синодики и другие рукописные сборники, ряд сюжетов сборника мы находим в народном творчестве, обращались к ним и писатели как XVIII, так и XIX в.

В научной литературе существует лишь одно развернутое исследование о «Великом Зерцале», а именно работа П. В. Владимирова,⁴ но в наше время это ценное исследование уже значительно устарело; кроме того, оно не исчерпывает всех вопросов, связанных с памятником.

³ Так, изучая фацеции, нельзя не обратиться к «Декамерону» Боккаччо, так же ряд новелл в сборнике заимствован, несомненно, оттуда (о Марке и Шпинелете, о жене, будто бы бросившей в колодезь, о прекрасной Кассандре и ряд других).

⁴ П. В. Владимиров. Великое Зерцало. (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884.

Наиболее удачной можно считать первую главу исследования, где внимательно разобраны источники «Великого Зерцала» и его латинские издания. Что касается польских изданий, то автор работы ограничивается лишь известным ему изданием 1633 г., представленным двумя экземплярами, хранящимися в настоящее время в ЦГАДА и принадлежавшими Типографской библиотеке.

Обращаясь к русским спискам, П. В. Владимиров также ограничивает себя известными ему полными 30 списками «Великого Зерцала», выбранными более или менее случайно, совершенно не касаясь неполных списков сборника, представляющих несомненный интерес и насчитывающихся в русских книгохранилищах в очень большом количестве экземпляров. Анализ сборника он строит на изучении списков, принадлежавших Синодальной библиотеке, но эти списки не являются лучшими. Сопоставляя русский текст с польским оригиналом, автор ограничивается двумя-тремя случайно выбранными рассказами, что не дает возможности сделать более или менее обоснованные выводы. Указывая на пропуски, наблюдаемые в русских списках «Зерцала» по сравнению с польским оригиналом, Владимиров лишь вскользь говорит о том, какие именно рассказы опущены, а это очень существенный вопрос.

Кроме того, исследователь не касается сборников, в которые вошли отдельные легенды «Зерцала». В то же время как раз очень важно и интересно выяснить, какие повести «Зерцала» включались в другие сборники, какие из них повторяются чаще, т. е. более привлекают читателей и составителей сборников и, таким образом, наиболее популярны.

Владимиров указывает два типа списков «Зерцала». Это наблюдение требует поправки, так как при просмотре полных списков обнаруживается еще один — третий очень любопытный вариант. Здесь в начале сборника мы читаем рассказ о «тайной вечере» и «страстях» Христа, а за ним — ряд новелл на эту же тему.

Говоря в 3-й главе об отношении «Великого Зерцала» к древнерусской литературе, автор исследования, упомянув о прологах и патериках, сосредоточил свое внимание на синодиках, которым и посвящена в основном вся 3-я глава. О близости некоторых новелл к фацециям и о влиянии «Зерцала» на народное творчество говорится очень немного лишь в конце главы.

Содержание сборника в книге Владимирова далеко не раскрыто. Говоря о содержании «Великого Зерцала», автор делит все входящие в него новеллы на нравоучительные и легендарные. К первым он относит те, которые направлены против женской неверности, нарядов, танцев, всевозможных забав и игр (в частности, охоты), против пьянства, волшебства и нежелания каяться в грехах. Ко вторым — новеллы, близкие к древнерусским легендам и чудесам, в частности житийным и патериковым легендам и рассказам о чудесах богородицы. Но это деление в значительной степени условно, так как в «Великом Зерцале» все повести носят нравоучительный характер и почти все легендарны. Кроме того, Владимиров совершенно не касается социальных и политических мотивов, которые занимают в сборнике немалое место; не выделены им и повести, обличающие пороки духовенства, пользовавшиеся большим успехом у русских читателей, в частности у старообрядцев. Не анализирует он и литературной стороны сборника, — им отмечается только его религиозно-поучительная тенденция.

*

Несмотря на разнообразие содержания и безусловный интерес сборника, несмотря на его широкое распространение среди русских читателей

и влияние на русскую литературу, после П. В. Владимирова к «Великому Зерцалу» никто не обращался. Исследователей отпугивало религиозно-мистическое содержание многих рассказов, вошедших в сборник. Но при внимательном чтении легко заметить, что густой налет религиозного мистицизма не помешал составителям «Зерцала» отразить в рассказах широкую картину реальной жизни со всеми ее противоречиями. В новеллах «Зерцала» перед нами проходят представители всех классов и всех слоев средневекового общества — от королей и князей церкви до простых горожан и крестьян, раскрываются их взаимоотношения, их быт и нравы. Все это представляет огромный интерес для исследователя, так же как и художественное своеобразие новелл.

Но значение сборника этим не ограничивается. Исследователи указывают, что «отдельные повести, а равно и полные списки „Великого Зерцала“, получили широкое распространение среди русских книжников и различными путями (синодики и лубочные картинки) проникли в народную среду, где и отразились в целом ряде различных легенд, повестей, духовных стихов и проч.»⁵ «Исследователям истории малорусских народных преданий, рассказов и легенд придется обратиться к изучению вышедших во второй половине XVII века сборников чудес, и, быть может, изучение этих сухих и бесцветных памятников украинской старины бросит свет на историю украинских народных легенд, определит, какие из этих легенд возникли в самой Украине и какие забрели из чужбины и акклиматизировались в Малороссии».⁶

Эти замечания, высказанные украинскими исследователями, вполне справедливы не только для изучения украинского народного творчества и украинской литературы, но и для изучения русской литературы и русского народного творчества. Думается, что эпитеты «сухие» и «бесцветные», которыми Сумцов характеризует новеллы нравоучительных сборников, несправедливы и противоречат высказанному им мнению о влиянии этих новелл на народное творчество. Этого влияния не могло бы быть, если бы эти новеллы были сухими и бесцветными.

Изучая литературную историю «Зерцала», необходимо обратиться к польскому тексту памятника. Польша явилась здесь, как и в ряде других случаев, передатчиком, познакомившим нас с этим интересным сборником. В основу его лег составленный иезуитами и широко распространенный в Европе латинский сборник «Speculum Magnum». Этот сборник попал в Польшу в начале XVII в. Здесь он был переведен на польский язык — и не один, а несколько раз — и дополнен рассказами, взятыми из разных источников. хроник, истории Длугоша, сочинений Петра Скарги и др. Известны три польских издания книги 1621, 1633 и 1690—1691 гг. Экземпляры всех этих трех изданий были завезены на Русь и хранились в библиотеках Киева и Москвы.⁷ В настоящее время в Киеве, в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР, имеется четыре экземпляра «Великого Зерцала» на польском языке (два издания 1633 г., один недатированный и один 1690—1691 гг.). В Москве, в ЦГАДА, со-

⁵ С Шевченко К истории Великого Зерцала в Юго-Западной Руси — Филологический вестник, т. LXII, № 3—4 Варшава, 1909, стр. 111

⁶ Н Ф Сумцов Иоанникий Голятовский (К истории южно-русской литературы XVII в.) — Киевская старина, Киев, 1884, кн. 3, стр. 374—375

⁷ В библиотеке Киево-Печерской лавры имелся экземпляр издания 1633 г. (Каталог, вып. 1, стр. 319, № 4262-XV 3/17). Кроме того известны следующие экземпляры польских изданий из Библиотеки киевского Софийского собора, № 547 (изд. 1633 г.), № 548 (год издания неизвестен), № 549 (2 тома, изд. 1690 г.), из Синодальной типографии (два идентичных экземпляра под одним номером — 4115/3864а и б, изд. 1633 г.)

храняются два экземпляра издания 1633 г., принадлежавших ранее Типографской библиотеке. Издания 1621 г., экземпляр которого, по указателям, хранился в библиотеке Киево-Печерской лавры, найти не удалось

Как видно из сказанного, наиболее широко у нас было известно краковское издание 1633 г. С этого издания, по-видимому, был сделан и перевод на русский язык, так как именно это издание хранилось в Типографской библиотеке.

Изучая издание 1633 г — не первое на польском языке, — мы прежде всего убеждаемся, что оно довольно точно передает латинский подлинник. На титульном листе мы находим историю создания книги, начало которой является почти точным переводом латинского оригинала.

Книга представляет собой большой том в лист, напечатанный готическим шрифтом. Примеры-приклады разделены здесь, как и в латинском издании, на группы-разделы, расположенные в алфавитном порядке. Первый раздел трактует о преодолении родственной любви (*affekt rodzicow*) ради веры и любви в богу, второй — о любви супружеской (*affekt miłosc małżenska*), далее идут «Ангельское приветствие», «Ангел» и т. д. Количество прикладов в разделах различно: их может быть 2, 3, а может быть, и 15—20. Счет их двойной: от начала до конца и отдельно в каждом разделе. После каждого рассказа, как и в латинском тексте, указывается его источник — автор или книга, откуда он взят. Последняя страница в книге 1167-я, последний рассказ — 2309-й.⁸ Перед текстом, после предисловия-обращения к Богуславу Радошовскому, помещены список-указатель старых и новых авторов, из которых взяты рассказы-примеры, и оглавление разделов книги в алфавитном порядке с указанием страниц.

Польские издания «Великого Зерцала» у нас на Руси хранились как в библиотеках храмов и монастырей (Софийский собор в Киеве, Киево-Печерская лавра), так и у частных лиц. Записи на экземплярах издания 1633 г., хранившихся в Типографской библиотеке, свидетельствуют, что один из них принадлежал Сильвестру Медведеву, другой — Димитрию Ростовскому. До того, как попасть в руки указанных лиц, книги принадлежали другим владельцам. Так, на экземпляре Сильвестра Медведева сохранились следующие записи владельцев 1) «Сия книга, глаголемая Зверцадло полское, священноиерея Онисима Троецкого»; 2) «196 году, февраля 15 дня продал сию книгу Спасского собору, что на дворце, дьякон Гаврилка Яковлев строителю Спасского монастыря, что за иконным рядом, Сильвестру Медведеву. А подписал я Гаврилка своею рукою».

На экземпляре Димитрия Ростовского значится: «Зверцадло прикладов», ниже: «Ростовского архиерея Димитрия». На обороте входного листа читаем: «Его царского пресветлого величества околичный господин Семен Федорович Толочанов дарствова сию книгу архиерею Ростовскому Димитрию 1706 году июня 30-го». На полях над текстом предисловия-посвящения, адресованного Богуславу Радошовскому, запись: «От книг Иоия архимандрита».

Из приведенных записей видно, что «Великим Зерцалом» интересовались у нас как светские люди, так и представители духовенства, последние особенно, причем это были выдающиеся, наиболее образованные люди, несомненно хорошо знакомые с польским языком. Среди этих людей, по-видимому, и зародилась идея перевести интересный сборник на русский язык. Имя одного из них мы читаем в обращении к читателям, которым сопровождается текст «Великого Зерцала» в одном из списков ГБЛ

⁸ Следует заметить, что в издании 1633 г наблюдается путаница страниц и счет страниц и прикладов поверен их меньше, чем указано

(Муз. 3161). Здесь говорится, что «Великое Зерцало прилогов» впервые переведено с польского языка на славяно-русский «тщанием и снискательством пресветлого царского величества великого государя духовника и богомольца Благовещенского собору священно-протопопа Андрея Савинова сына Посникова».

Это интересное сообщение ставит перед исследователем неотложную задачу — собрать сведения об этом деятеле русского просвещения XVII в. и уточнить его роль в деле перевода «Великого Зерцала».

*

Перевод «Великого Зерцала» с польского оригинала на русский язык был осуществлен в 1677 г. по повелению царя Алексея Михайловича.⁹ Перевод был поручен по «долям» пяти переводчикам: Семену Лаврецкому, Григорию Колчицкому, Ивану Гуданскому, Гавриле Дорофеевичу и Ивану Васютинскому.¹⁰

Трудно сказать, кому именно из упомянутых лиц — переводчиков Посольского приказа какая часть «Зерцала» была дана для перевода и что представляли собой эти доли, о которых говорилось в указе царя. Были они равные или неравные? Можно предположить, имея в виду перечень «долей», т. е. частей, что переводчики разобрали текст по частям в порядке их нумерации, но найти границы этих частей и указать разницу в работе указанных лиц едва ли возможно, так как манера изложения в книге везде более или менее однородна. Следует только отметить, что переводом несомненно руководило какое-то сведущее лицо, а может быть, и несколько лиц, всего вероятнее представители духовенства, потому что материал польского «Зерцала» переведен на русский язык не полностью, а по выбору и при этом внимательно проредактирован. В польских изданиях сборник носил ярко выраженный католический характер, что, естественно, не могло нравиться русскому читателю. В русском переводе текст приведен в соответствие с учением православной церкви, а это, конечно, не могли сделать сами переводчики Посольского приказа.

На русском языке «Зерцало» распространялось в списках. Количество этих списков показывает большой интерес к сборнику среди русских читателей и его широкую популярность.

⁹ См предисловия в некоторых списках, например в Синодальном № 100, где указывается, что перевод был совершен «по желанию и повелению великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича в лето 7185» (1677 г.).

¹⁰ ЦГАДА, фонд «Приказные дела старых лет» (ф. 141), 1674 г., № 434, л. 17: «Пяти человекомъ переводчиком дать по 100 свечь, которые переводят книгу Зверцалло

Семену Лаврецкому 1 доля
Григорию Колчицкому 3-я доля
Ивану Гуданскому 4-я доля (приписано сбоку)
Гавриле Дорофеевичу 2-я доля
Ивану Васютинскому 5-я доля ему (приписано)»

Приписка: «184 ноября в 5 день велеть им то число свечь для переводов или купить из доходов Новые обтеки и послать о том великого государя указ в Новгородской приказ». Черновая запись. «Того ж[e] числа ноября в 5 день указал великий государь Посолского приказу переводчиком Семену Лаврецкому, Григорию Колчицкому, Ивану Гуданскому, Гавриле Дорофееву, Ивану Васютинскому перевести ту книгу с пол[ь]ского на словенский язык книгу „Великое Зерцало“, а для ночного сиден[ья] дать им по 100 свеч сал[ь]ных из Новгородского от доходов новой абтеки». Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность И. М. Кудрявцеву, который нашел в делах Посольского приказа и передал мне этот интересный материал.

Списки эти далеко не однородны. Очень многие из них представляют собой большой том в лист, написанный более или менее крупным полууставом. Среди этих списков есть исключительные по своему оформлению, так сказать — парадные экземпляры. Таков, например, экземпляр, хранящийся в отделе рукописей ГБЛ под шифром М. 5470. Это огромная книга в двойной лист, написанная крупным полууставом и роскошно оформленная. В начале оглавления и перед текстом — заставки в стиле барокко с изображением «Троицы», в том же стиле первая буква текста. Заглавие перед текстом выполнено золотом. Судя по записи, сохранившейся на входном листе, книга принадлежала Николаевскому Перервинскому монастырю.

Рядом с такими экземплярами мы находим обычные рукописи в четверку, написанные более или менее разборчивой скорописью, чаще всего XVIII в. Некоторые экземпляры «Зерцала» лицевые. Таков, например, экземпляр, хранящийся в отделе рукописей ГИМ, шифр Муз. 1067, к сожалению, весь рассыпавшийся по листам, причем ряд листов утерян. Это рукопись XVIII в., в лист написанная скорописью, причем почти каждой странице текста соответствует иллюстрация, занимающая целую страницу.

Говоря о содержании русских списков, П. В. Владимиров делит их на две неравные группы. К первому типу он относит списки, более близкие к польскому оригиналу, ко второму — списки, значительно отличающиеся от него.

В списках первого типа мы находим такое же, как и в польских изданиях, развернутое заглавие памятника с указанием на историю его создания, естественно несколько измененную и дополненную русским переводчиком. В конце помещено оглавление «вещей, обретающихся в книзе сей», заканчивающееся припиской; то и другое, как и последующее обращение к читателю, заимствовано из польского издания и почти точно передает польский текст. Примеры-прилоги расположены здесь в том же порядке, как и в польском издании: материал разделен по главам, каждая из них содержит несколько рассказов-прилогов. Их счет, так же как и в польском издании, двойной: от начала до конца и в каждой главе отдельно. Первая глава — о преодолении родственной любви, как и в польском тексте, начинается рассказом о том, как игумен Кастор (в польском тексте — пастор) преодолел любовь к своему племяннику; последний рассказ и в польских изданиях, и в русских списках этого типа — о христианине, не пожелавшем отречься от своей веры и вынужденном в наказание водить верблюдов.

Однако полного соответствия русского текста польскому все же не получилось. В русских списках не выдержано расположение материала по алфавиту, отсутствует более половины рассказов польского оригинала, выпущены все ссылки на источники, которые читались как в латинском тексте «Великого Зерцала», так и в польских изданиях. Нет здесь также списка авторов, помещенного в начале польского издания 1633 г., нет и посвящения определенному лицу.

Значительно дальше от польского оригинала списки второго типа. Они отличаются прежде всего расположением материала. Здесь мы видим как бы две части. В первой приклады-прилоги расположены не по рубрикам, а свободно, причем первым в огромном большинстве списков этого типа является рассказ «О непостижимости св. троицы», за которым следуют еще два-три рассказа на ту же тему. Далее читаются рассказы, взятые из разных глав польского «Зерцала»; всего их в этой части около 250. Вторая часть начинается рассказом об игумене Касторе, тем самым, которым начинаются списки первого типа. Здесь, как и в списках первого

типа, материал разделен на главы и счет рассказов двойной.¹¹ Составитель как бы возвращается к польскому тексту, но он здесь еще более сокращен. Всего в списках второго типа, как и первого, около 850—870 рассказов, и последний большей частью тот же, т. е. рассказ о человеке, водившем верблюдов.

Кроме этих двух типов русских списков сборника, следует, как нам кажется, выделить еще одну группу списков, по построению сближающихся с первой частью второго типа, но содержащих лишь около 80 новелл. Таких списков примерно одного и того же содержания только в отделе рукописей ГБЛ хранится несколько. Надо думать, что это особый вид сборника — его сокращенная редакция.

Кроме того, списки второго типа неоднородны — одни начинаются с рассказа «О непостижимости Св. Троицы», другие — с рассказов о «страстях» Христа.

Что касается полных списков, то ни в первом, ни во втором типах количество прикладов-примеров не доходит до той цифры, которую мы видели в польском тексте (более двух тысяч): оно не превышает 870. Из этого можно заключить, что даже самые полные русские списки «Зерцала» значительно отличаются от польского оригинала, так как очень многие рассказы, включенные в польские издания, сюда не вошли.

В дальнейшем второй тип все более и более отходит от своего первоисточника: в сборник включаются новые рассказы и повести, заимствованные из других сборников, из житий святых, из Пролога и других источников; количество глав варьируется, то увеличиваясь, то уменьшаясь, по воле составителей.

Но для второго типа характерна не только особая композиция сборника. Можно с уверенностью сказать, что уже в конце XVII в., вскоре после первого перевода, был сделан второй перевод сборника. Кто был этим вторым переводчиком — неизвестно, но следует отметить, что он подходил к сборнику и заключающемуся в нем материалу не только критически — что, как мы видели, сказалось на композиции и расположении материала, — но и творчески. Это легко показать на передаче им текста, сопоставив польский текст, первый перевод, близкий к нему, и последний перевод из сборников, представляющих второй тип.

Приведу для примера два рассказа — «О славе небесной» и о том, как некий Стефан назвал своего слугу чертом.

Первый рассказ — это известный сюжет об иноке, заслушавшемся райской птички. В польском тексте, а за ним и в первом переводе рассказ звучит так.

Некий инок (законник), читая с другой братией на утрени стих «Тысяча лет перед твоими очами как день один», удивился, как это может быть. Он был святой и набожный человек; оставшись в храме после утрени, он просит бога объяснить ему этот стих. Появляется прекрасная птичка, за которой инок идет сперва из церкви, потом из монастыря. Птичка приводит его в большой лес, принадлежащий монастырю, и начинает петь. Зачарованный ее пением, он не замечает, как проходит триста лет; за это время все монахи — его современники в монастыре умерли, а он от сладости этого пения не захотел за все это время ни есть, ни пить. Наконец птичка исчезла. Инок возвращается в монастырь, но его не пускают. Привратник думает, что это какой-то глупец, спрашивает у него имена игумена и других, а он называет своих современников. Когда его

¹¹ В ряде списков такое деление и счет отсутствуют, хотя порядок рассказов сохраняется.

приводят к игумену, — они не узнают друг друга. Инок спрашивает игумена о его предшественниках, и так выясняется, что игумен, при котором он был в монастыре, умер 300 лет тому назад. Инок рассказывает, что с ним случилось, и умирает.

В первом варианте этот рассказ переведен точно со всеми указанными выше подробностями. Во втором варианте мы видим другое. Здесь сразу сообщается, что инок был совершенный в добродетелях человек и уже давно размышлял над значением указанного текста. Он усердно молился, чтобы ему открыт был смысл сказанного в нем. Птичка и здесь появляется в церкви, но о ее красоте сказано, что «она к понятию человеческого разума непостижима». Далее передано состояние инока, чего нет в польском тексте: «Инок же zelo птицу удивися и желанием уязвися, хотя разсмотрити красоты того». Птичка приводит монаха не в лес монастырский, как это дано в польском тексте, а на прекрасный луг, покрытый цветами и пречудными деревьями, взлетает на дерево и начинает «чюдно и сладко-песнею» петь. Переводчик-редактор не спешит здесь сообщить, что инок простоял на этом месте триста лет. Он просто говорит, что монах не знал, сколько времени стоит, «токмо радуяся и веселяся птища красоте и оному чудному и цветоносному полю» и думая, что прошло лишь время от литургии до трапезы.

Когда инок возвращается к монастырю, дается его разговор сперва с привратником, потом с игуменом, и только здесь читатель узнает, что со времени ухода инока из монастыря прошло 300 лет:

«И прииде игумен ко вратом нача его вопрошати, кто есть и коего жительства и обители. Старец же нача глаголати: „Аз, отче, в сий день по святей литургии изыдох, и точию малое время вне монастыря пребых, и есмь монастыря сего“. Игумен же рече: „Аз тя не точию zde, ниже такового в окрестных лаврах, ниже в отшельницех когда видех“. Инок рече: „Да ты, отче, он сий отец наш?“, имя рек того, иже при нем бе. И рече игумен: „Ни, чадо! Сий, о нем же глаголеши, прежде многих лет бе. Яко же повествуют книги, триста лет уже мину по смерти его; но мно, яко от бога совосходит о тебе к пользе нашей. Повеждь о себе, кто еси и кая ти прилучишася?“».¹²

Это уже не перевод, а переработка рассказа, причем автор переработки стремится подать материал так, чтобы он произвел, возможно, большее впечатление на читателя (подчеркивается душевное состояние героя, вводится диалог, основной эффект приберегается к концу рассказа).

Возьмем другой рассказ — «О гордости и ярости, иже славнии подручных своих не хотяще имянем звати».

В польском тексте рассказывается о некоем капеллане по имени Стефан, который, вернувшись домой из поездки, кричит слуге: «Иди, дьявол, разуй меня!». На этот призыв явился сам дьявол, — ремни на сапогах капеллана стали развязываться сами с необыкновенной быстротой. Поняв, в чем дело, капеллан прогоняет дьявола, а сапоги остаются до половины не растегнутыми.

Точно так же развивается действие в списках первого типа, причем и здесь героем рассказа является пресвитер. В списках второго типа герой — светский человек; видимо, редактору-переводчику показалось неудобным, что духовное лицо так называет своего слугу. Здесь Стефан — муж жития добродетельного. Он кричит слуге, «гневаяся»: «Пришел, чорт, разуй мя!». Далее действие развивается так: «И егда точию сия изрече, на-

¹² ГБЛ, Муз 5470, л 36, рассказ 35

чашая сапоги сами о себе с великою прудкостью и силою сыматися, и не точию голенищам трещати, но и костем Стефановым трескотати. Он же велиим гласом нача вопити». Стефан прогоняет демона, «сапоги же обретошася в непристойном месте, идеже человецы истребляются».¹³

Ничего подобного нет в польском тексте.

Как и в первом рассказе, мы видим здесь явное стремление к литературной обработке рассказа. Автор пытается оправдать поведение героя, обставляет рассказ живыми подробностями, придает ему русский колорит (дело идет не о ремнях на обуви, а о русских сапогах с голенищами).

Еще большей переработке, несомненно, подвергались новеллы, попадающие в сборники, где они приспособлялись к содержанию данного сборника, к вкусам среды, для которой он составлялся, приобретали характерные черты той местности, где бывовал сборник. Такова обработка в украинских сборниках легенды о церковнице Беатрике.

Дальнейшая работа над списками «Великого Зерцала» и их сличение с польским изданием дадут возможность проверить эти наблюдения и установить более точно, как работали русские переводчики, что именно они выбирали из переводных сюжетов, вошедших в сборник, и в каком направлении их обрабатывали.

Очень большую работу придется провести по изучению содержания «Великого Зерцала». Содержание сборника очень богато и разнообразно. Мы находим здесь огромное количество сюжетов, заимствованных из разных источников и приспособленных оо. иезуитами для нужных им назидательных целей. Многие рассказы здесь носят узко церковный характер, но даже если их окажется половина, то из общего количества 850—870 рассказов, которые входят в полные списки «Зерцала», остается еще более чем достаточное количество материала для литературно-исторического исследования. Здесь имеются сказки о животных, бытовые повести, рассказы с ярко выраженным фольклорным колоритом или с элементами сатиры, обличения пороков общества. Именно в этой своей части «Зерцало» смыкается с другими переводными сборниками повествовательной литературы. Таким образом, изучая содержание сборника, как и в других случаях, неминуемо придется коснуться вопроса о распространении у нас переводной новеллы вообще и привлечь к исследованию другие сборники. С другой стороны, некоторые рассказы «Зерцала» восходят к легендам патериков, к которым и отсылают читателя составители, поэтому исследователю придется обратиться к патерикам и другим подобным сборникам и выяснить, что откуда было заимствовано составителями «Зерцала» и как было использовано.

Легенды «Зерцала», как и других сборников переводной новеллы, должны рассматриваться в связи с современной их появлению оригинальной литературой. Социальные мотивы и сатирические зарисовки, которые мы здесь находим, имеют непосредственное отношение к русской жизни XVII—XVIII вв. и приобретают в глазах читателя часто особо острый и глубоко злободневный смысл. В свете этого читательского восприятия мы и должны рассматривать содержание большей части новелл сборника.

Необходимо также коснуться и художественной стороны рассказов, проанализировать их язык и художественные средства, выявить элементы церковные, светские, фольклорные.

Очень важным этапом работы должно быть выяснение влияния новелл

¹³ Там же, л. 43 об., рассказ 47.

«Зерцала», как и других переводных сборников, на русскую литературу. Здесь придется говорить о влиянии «Зерцала» на синодики и использовании сюжетов сборника в литературе XVIII и XIX вв. (рассказ Лескова «Гора», рассказ об иноке и птичке у Карамзина, рассказ о богаче и бедняке в басне Крылова и пр.).

Особо должны быть изучены лицевые списки «Зерцала», которые представляют собой последний этап в развитии русской миниатюры, когда она постепенно превращается в иллюстрацию. С этой точки зрения особенно интересен упомянутый выше список ГИМ, а также иллюстрации, которыми сопровождаются новеллы «Зерцала», вошедшие в синодики.

Если другие сборники переводной новеллы были у нас изданы, то «Великое Зерцало» не издавалось ни разу. Поэтому неотложной задачей является научное издание полного текста этого любопытного и широко популярного на Руси сборника.
